

АРКАДИЙ ГАЙДАР

НОЧЬ В
КАРАУЛЕ

Аркадий Петрович Гайдар

Ночь в карауле

Аннотация

«В караульном помещении тихо. Красноармейцы очередной смены, рассевшись вокруг стола, разговаривают так, чтобы не мешать отдыху только что сменившихся товарищей. Но разговор не клеится, ибо мерное тиканье маятника нагоняет сон, и глаза против воли слипаются...»

Аркадий Гайдар

Ночь в карауле

В караульном помещении тихо. Красноармейцы очередной смены, рассевшись вокруг стола, разговаривают так, чтобы не мешать отдыху только что сменившихся товарищей. Но разговор не клеится, ибо мерное тиканье маятника нагоняет сон, и глаза против воли слипаются.

Хлопнула дверь, вошел окутанный ветром разводящий и сказал, отряхиваясь от капель дождя:

– Ну и погодка! Темень, буря, тут к тебе на три шага приходи, и то не учуешь. Сейчас часовому собачий слух да кошачьи глаза нужны. Сейчас только берегись.

– А чего беречься-то! – лениво спросил Петька Сумин, протирая кулаком посоловелые глаза. – Чай, теперь не война. Возьмем, к примеру, наш склад. Отряд на него никакой не нападет, потому что неоткуда, а одному либо двоим за сутки замки не сломать. По-моему, так часовой там не нужен. Наняли бы сторожа, и нехай дует для устрашения в колотушку.

– Ну, этого ты не скажи, – ответил, усаживаясь на лавку, разводящий.

– А знаешь ты случай про часового Мекешина?.. Нет, не слышал про этого часового? Ну, тогда и помалкивай. Рассказать, говоришь? Ладно, расскажу. Да гляди веселей, ребята, небось, на селе ночь прокрутится вам нипочем, а в карауле

слабо, что ли? Чего носами-то засопели? Ну, слушай, да не мешай...

Было это в прошлом году. Назначили наш взвод в караул при химическом заводе, а завод на самом краю города, возле Шаболовских оврагов. Ну ладно. Сменили мы старый караул в семь часов. Мекешину заступать было в третью смену с одиннадцати. Пошел. А посты далеко находились, как раз у края оврага.

Принял он посты честь по чести: печать целая, подозрительного ничего замечено не было. Ушел разводящий, ушел прежний часовой, и остался Мекешин один. А ночь тогда хуже сегодняшней была – темная, беспокойная. В такую ночь человек – как слепой котенок.

Стоит Мекешин час. Промок, потому дождь косой, так под гриб и захлестывает. Замерз... Курить охота – ну, конечно, не такой Мекешин человек был, чтобы на посту закурить, терпит. Мало того, что терпит, то руку к уху приложит, то голову наклонит – слушает. А казалось, чего тут услышишь? Кусты ветками хрустят, капли по лужам булькают. Только вдруг почудилось Мекешину, будто кашлянул кто-то неподалеку.

Насторожился он, вышел из-под гриба и прошелся вдоль стены – ничего. Постоял, опять послушал. Что за черт! Скрежет кто-то, как крот, а где – не видно. Хотел окликнуть да думает, чего кричать без толку, когда никого не видно! Только спугнешь, если и есть кто. Пойти самому посмотреть к

оврагу – опять же, пост нельзя оставить. Вернулся он обратно под гриб и дернул рукоятку звонка, чтобы вызвать на всякий случай разводящего. Ожидает минуту, другую – не идет никто.

Встревожился Мекешин не на шутку, дергает звонок что есть силы и того не знает, что перерезала чья-то черная рука проволоку и не слышать в карауле его вызова. Выскочил он, только хотел тревогу поднять, как из темноты кто-то кирпичом ему в голову сзади хватил. Упал Мекешин и думает: «Успеть бы только тревогу поднять!»

Рванул предохранитель и бахнул из винтовки. Но тотчас же откуда-то сбоку огонь сверкнул, и почувствовал Мекешин, что обожгло ему плечо. Уронил он голову наземь и, собравшись с последними силами, грохнул еще раз. Слышит – топот сзади, крики. «Ну, – думает, – ничего, свои подоспели». Приник он тогда головой к луже, в которой крови было больше, чем воды, и только успел прохрипеть подбежавшему карначу: «Смену давайте... смену...» И замолчал.

На другой день умер. Хоронили его, как героя, погибшего на посту. Дознались, что под склад завода из оврага подкоп делали, и прогляди Мекешин – взорвали бы все на воздух.

А когда гроб его опускали в могилу, то все знамена опустились низко, до самой травы, и в небо ударил такой огневой залп, что от этакого залпа холодно кому-то, должно быть, стало.

Над могилой его теперь камень... Будет воскресный

день – сходите по увольнительной. Там, в самом углу ограды, камень большой, серый, и на нем красный орден высечен. Только орден и его имя, а больше ничего. Да и зачем? Кто ни подойдет, кто ни посмотрит, каждый и так поймет...

Да, ребята, так-то... Ну, слышали теперь? Намотайте себе на ухо, а теперь, ну-ка, быстрее подымайся. Эй, очередные, вставай! Время ребят сменять.

1927